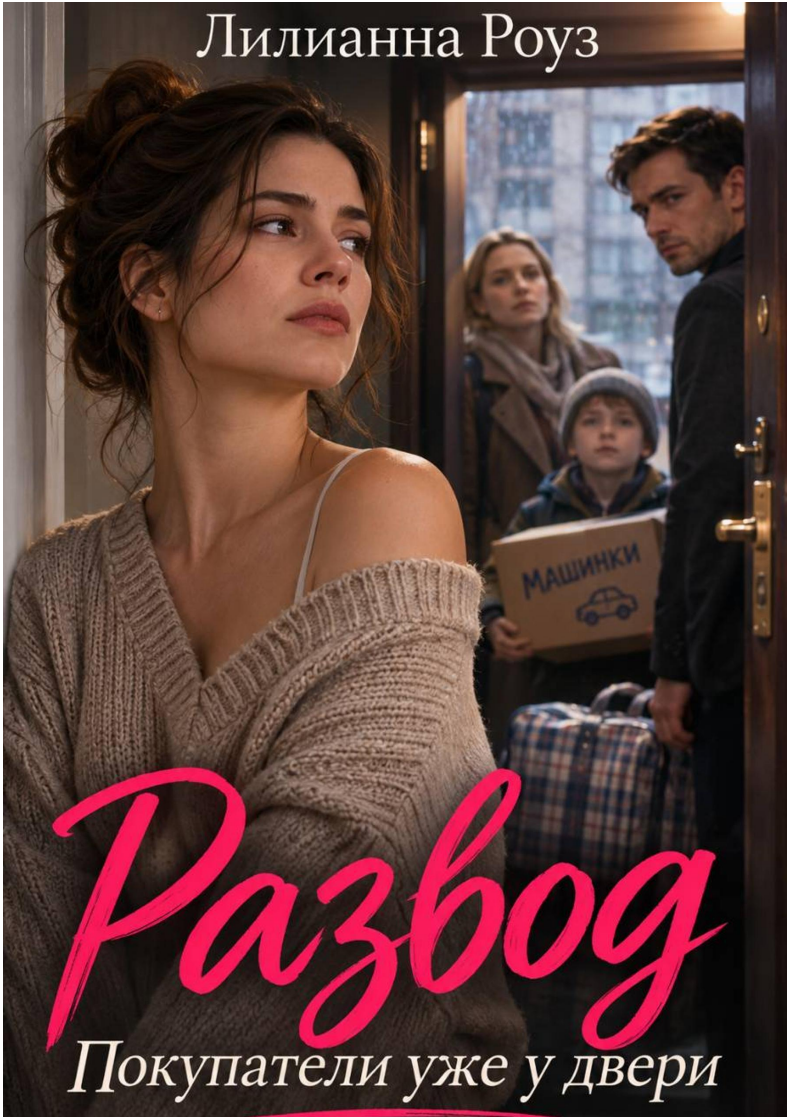
Лилианна Роуз



Развод

Покупатели уже у двери

Лилианна Роуз

Развод. Покупатели уже у двери

https://litres.ru/75023674
SelfPub; 2026

Аннотация

— Можно уже занести? — спрашивает мальчик, прижимая к себе коробку с машинками.

Пятидесятиоднолетняя Нина открывает дверь и узнает, что муж уже пообещал незнакомой женщине с ребенком квартиру, в которой Нина еще живет. Они сдали ключи от прежнего жилья, а им сказали, что Нина согласна. Она отказывает, хотя прекрасно видит, кого этот отказ оставит с вещами у подъезда.

Теперь Нине и Алле придется поговорить напрямую: каждой Кирилл обещал что-то свое. А Нине еще нужно понять, хочет ли она жить в квартире, которую только что отстояла. Савва задает ей этот вопрос, но не торопится отвечать за нее. И когда он зовет ее на встречу просто потому, что хочет увидеть, Нине предстоит решить, чего хочет она сама.

Содержание

Глава 1. Коробка с машинками 4
Глава 2. Одна из восьми 12
Глава 3. Ключ на кольце 19
Глава 4. Чужая полка 26
Глава 5. Три белые метки 32
Глава 6. Вот эти две 38
Глава 7. Кто закрывает 43
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Лилианна Роуз
Развод. Покупатели уже у двери

Глава 1. Коробка с машинками

Мальчик держал картонную коробку за прорези в боках. Левая прорезь разошлась, и он прижимал картон локтем. На коробке синим фломастером было написано «МАШИНКИ».

— Можно уже занести? — спросил он.

Нина открыла дверь в одном тапке. Второй остался под батареей, куда она задвинула его ногой, когда села подшивать рукав. Она ждала курьера с катушками и зачем-то еще секунду смотрела на коробку в поисках наклейки.

— К кому вы?

— К Мальцевым, — сказала женщина за мальчиком. — Я Алла. Мы на восемь договаривались. Задержались у фургона, водитель не мог закрыть боковую дверь.

За ее спиной, у лифта, стояли две сумки в клетку. Одна потемнела от дождя. Из молнии торчала петля детского ремня.

Нина услышала, как муж на кухне положил телефон на стол. Она поняла, что Кирилл ждал звонка. Поняла еще до

того, как он появился в конце коридора в чистой рубашке, в которой будто бы просто зашел забрать зимние вещи.

— Алла, добрый вечер. Миша, ставь пока.

Миша посмотрел на Нину. Под карманом его куртки что-то круглое выпирало, наверное, еще одна машина, которую он не захотел убирать к остальным. Нина выдвинула ногой низкую скамейку на площадку.

— Здесь поставь, картон порвется. В квартиру пока нельзя.

Мальчик опустил коробку. Вздохнул и несколько раз сжал пальцы. Он не спросил почему. Нину задело это куда сильнее, чем если бы спросил.

— Нин, — сказал Кирилл. — Можно на минуту?

Он стоял на своем конце коридора и даже не пытался подойти. Будто ждал, что она оставит людей за дверью, пройдет к нему и там, в двух шагах от чайника, согласится разговаривать тише.

— Можно здесь.

— Алла, она просто не в курсе про точное время.

Нина шагнула на площадку. Под босой пяткой оказалась песчинка. Захотелось вернуться за вторым тапком, закрыть дверь, дослушать его объяснение, будто решить все еще можно было до звонка.

— Кирилл, я не знала, что сюда вообще кто-то въезжает.

Алла сняла с плеча сумочку и поставила ее на одну из клетчатых сумок. Движение было аккуратное, словно от то-

го, как ляжет ремешок, зависела возможность дослушать.

— Как это не в курсе? Он сказал, вы согласились.

— На что именно?

— Сегодня пожить здесь. Потом, когда разберемся с бумагами, купить. У нас вещи в машине. Мы утром отдали ключи от съемной.

Нина посмотрела на Кирилла. У него дернулась бровь. Он ее не поправил.

— Ты сказал, что приехал за курткой, — сказала она.

— Я за ней и приехал. И хотел сказать, что мы можем сдвинуть сроки, если все нормально поговорим. Ну видишь же, люди уже приехали.

Она видела. Она видела, как Алла нащупывает в кармане куртки телефон и никак не достанет. Как Миша приподнял коробку, проверяя прорезь, словно ему снова пора было куда-то ее нести. Как Кирилл посмотрел мимо нее на мальчика, когда сказал «люди».

В последний раз он так посмотрел на другого человека, когда они съехались. У Нины в руках были две тарелки, в прихожей стояла его тетка с сумкой, а Кирилл говорил, что тетка поживет до понедельника, он же ей обещал. Нина тогда потеснила свои платья, потом вместе с теткой мыла посуду, и та оказалась смешная, звала губку мочалкой. Осталась на три недели. Когда Нина попросила в следующий раз сперва узнать, удобно ли ей, Кирилл сказал: «Ну тебе же в конце концов было хорошо».

— Я не согласна, чтобы вы въезжали, — сказала она Алле. — Даже на ночь. Мне очень жаль, что вы уже отдали ключи.

Последнее вышло тише, чем первое. Нина попробовала повторить про ключи, но Алла уже достала телефон.

— Что мне ваше жаль. Вы могли сказать утром. Мне бы проще было отпроситься еще раз, чем сейчас искать, где Мише спать.

— Утром я не знала, что вы существуете.

— Зато вчера знали, что будете у сестры. Вот.

Алла показала экран. Нина наклонилась. В переписке мелькала ее фамилия, потом «Нина у сестры до среды, мы с ней все решили», потом фотография комнаты. Складной стол в ней был убран, чтобы стало видно окно. Нина узнала серую нитку на ручке. Сегодня утром нитка зацепилась там, когда Нина переставляла швейную коробку. Она потянула, нитка оборвалась, и серый хвостик так и остался висеть. Под снимком было время отправки: сегодня, еще днем.

Снимок не мог быть старым. Алла уже видела комнату в тот день, когда Нина еще ждала, что Кирилл зайдет только за курткой.

— Я никуда не уезжала.

— Она отменила, — сказал Кирилл.

— У меня нет сестры. Ты, может, Клаву имеешь в виду? Клава твоя двоюродная. И она тут при чем?

Миша опустил голову. Нина увидела, как Алла быстро глянула на него. Не хотелось, чтобы у чужого ребенка от этой

площадки осталось одно: взрослый сказал глупость, и все стоят, стараясь произнести ее погромче.

— Миша, — сказала Алла, — вынь машинку из кармана и положи в коробку, пока не потерял. Нет, крышка открывается с другой стороны.

Нина могла предложить им зайти, позвонить из тепла, потом решить. Она уже тянулась к ручке. Представила, как Кирилл берет вторую сумку. Вода с нее капает на коврик, он зовет Мишу снять ботинки, Алла наконец садится. А она стоит у своего стола с незаконченным рукавом и думает, каким голосом потом выставить людей на улицу.

Руку она убрала.

— Мне надо сказать шоферу, что дальше, — сказала Алла. — Кирилл, я не знаю адрес, на котором мы переночуем. Вы знаете?

Он начал отвечать не сразу. Взял с тумбы ключи, переложил в другую руку.

— Сейчас найдем. Пять минут. Нина, ты можешь хотя бы их двоих пустить? Я пока внизу поговорю.

Она посмотрела на свой дверной проем. Кирилл не собирался говорить с ней отдельно. Он приготовил ей следующую маленькую просьбу, которую стыдно не исполнить.

— Нет. С водителем поговори сейчас. Скажи, что заселения не будет. При нас.

Из коридора донеслось гудение. Это заработал холодильник, который они давно собирались заменить. Нине захоте-

лось заплакать вовсе не на этом месте, а о чем-то маленьком и своем: ей больше не хотелось дожидаться Кирилла, чтобы выбрать холодильник.

Алла уже набрала номер.

— Валера, не разгружайте остальное, пожалуйста. Нет, пока нет. — Она отвела телефон и спросила Кирилла: — Кто за все это время водителю платит? Переводить ему сейчас надо.

— Дай я поговорю.

Алла отступила на полшага, не отдавая телефон.

— Нет. Я сама. Мне надо знать, кто платит.

— Я, Алла, я заплачу, — сказал Кирилл.

Нина выдохнула так, что стало слышно. Алла посмотрела на нее прямо.

— Вам полегчало?

— На секунду, — сказала Нина. — Я думала, опять предложит пополам.

У Аллы дернулся угол рта. Не улыбка. Потом она отвернулась и стала спрашивать водителя, сколько у него есть времени. Миша наконец вынул из кармана красный автобус, но в коробку не положил. Он поставил его на крышку. Нина заметила на боку черную полосу от пальца, который мальчик вымазал в сыром фломастере.

— Вниз, Миш, — сказала Алла, закончив разговор. — За коробку снизу возьмись. Я донесу сумки.

Нина схватила ближнюю сумку. Алла перехватила ручки

прежде, чем Нина успела ее поднять.

— Не надо. Хорошо?

— Хорошо.

И Нина разжала пальцы. Алла подняла ближнюю сумку и потянулась за второй. Кирилл вышел следом. Уже у лифта он оглянулся.

— Ты можешь поехать к Клаве после девяти. Я с ней поговорю.

Нина сперва решила, что ослышалась.

— Я никуда не поеду.

Лифт приехал. Миша, уже по ту сторону металлической двери, наклонился и подцепил большим пальцем автобус. Алла придержала дверь коленом.

— Если он сейчас позвонит и скажет, что вы передумали, — начала она.

— Не передумала, — сказала Нина. — И по телефону от моего имени больше ничего не принимайте.

Лифт закрылся.

Вернувшись на кухню, она заметила, что на столе четыре чистые чашки. Ее собственная была с трещиной на ручке и стояла у раковины. Кирилл успел составить чашки полукругом и повернуть все ручки наружу.

Нина села и взяла рукав. Игла никак не проходила сквозь двойной шов. Она потянула сильнее и оборвала нитку. К вечеру она обещала отправить в мастерскую фото первой готовой вещи, а утром за ней должны были приехать. Нина

позвонила закройщице. Сказала, что вечером не закончит и привезет сама, к десяти. В ответ раздалось раздраженное, очень обыкновенное «ты же говорила». Нина не стала объяснять, что у нее на площадке стоял мальчик с коробкой. Сказала: «Да, говорила. Давай я утром подъеду».

Она закончила разговор, приложила рукав к колену и тут только заметила, что все еще сидит в одном тапке.

Глава 2. Одна из восьми

Утром Нина накрыла куртку большим пакетом из-под постельного белья и понесла ее в мастерскую. На остановке она не стала складывать вещь вдвое, как просил мужчина, которому не хватало места на скамейке. Рукав подсох после утюга, но на шерсти мог остаться сгиб. Мужчина переступил мокрый след у скамейки и встал в другом конце навеса. Нина была ему благодарна, пока не заметила, как он пытается поднять с земли тяжелую сумку, не сгибая пальцев. Она придержала одну ручку. Автобус они оба пропустили.

В мастерскую Нина вошла без двух минут десять, с курткой поперек рук. Тамара выглянула из-за плоской коробки, на которой белым мелом написала номера. Сняла пакет с куртки, вывернула рукав.

— А это ты вчера придумала?

Нина знала, куда она смотрит. На готовом образце изнанку требовалось подшить так, чтобы ее можно было прихватить за один край. Нина в первый вечер распорола фабричную строчку и нашла два одинаково коротких хвостика. Можно было бы прихватить их, снаружи никто бы ничего не увидел. Она вырезала новые полосы и довела их до верхнего шва. Теперь при движении они не тянули за собой подкладку.

— Позавчера. Ночью только дошила.

Тамара просунула руку. Потянула ткань возле локтя, как человек, который собирается поднять в этой куртке груз.

— Вот теперь хорошо. Иди поставь чайник, пока я смотрю вторую сторону.

Возле чайника на краю подоконника лежал чистый карандаш. Нина вчера еще думала, как придет сюда утром на легкий разговор и этим карандашом разметит одинаковые полосы сразу на остальные семь курток. Она даже освободила дома ящик для чужих пуговиц, чтобы потом не искать их среди своих.

Вернувшись к столу, Нина увидела, что Тамара складывает бумажные лекала в другую стопку. На каждом было по два прокола от булавки. Нина сама принесла эти лекала сюда в пятницу.

— Остальные где?

— Унесли. В восемь с четвертью. Я вчера ждала твоего снимка до закрытия, утром мне пришлось отдать коробку. У человека машина до обеда, следом шесть дней работа в другом месте.

Нина поставила кружку. Ложка задребезжала о край, хотя вода еще не вскипела.

— А если часть вернуть? Пускай три. Я успею.

Тамара не стала доказывать, что не успеет. Она пересчитала лежащие под рукой лекала, сложила их ровно и сказала:

— Человеку за семь и заплатят. Он у меня спрашивал заранее, стоит ли отказываться от другого заказа. Я сказала,

стоит.

Нина увидела, что в мастерской приготовили как раз два стула. Один не для нее: на сиденье лежала швейная машинка с незакрученным винтом. Тамара привезла ее из дома и пыталась поставить обратно шайбу. Можно было сейчас остаться, помочь, сделать вид, что зашла ненадолго и не собиралась получать работу. Нина подтянула к себе куртку и вытерла пальцем белую полоску мела.

— За эту сколько получу?

— Как договаривались. И за полосы отдельно. Зато потом не придется подкладку на человеке дошивать.

Тамара перевела деньги при ней. Экран у телефона был такой яркий, что даже с другой стороны стола Нина заметила его отражение в стекле. Денег хватало на то, чтобы заплатить за свет и купить продукты до выходных. Семь курток она уже считала иначе: духовка, которая грела с одного угла, или хотя бы место с широким столом на месяц, если дома снова не будет тишины. Теперь между этими двумя возможностями больше не стояла необходимость выбирать.

Чайник начал шуметь. Нина выключила его и налила воды на двоих. Тамара села, попробовала чай и наконец дотянулась до старой машинки.

— Ты меня вчера напугала. Обычно у тебя через пять минут новое время, а еще через пять готова сделать за двоих.

— Вчера у меня были люди, которые пришли жить ко мне домой.

Тамара подождала. Нина поняла, что та не разобрала слова или разобрала слишком хорошо.

— Кирилл пригласил, — сказала она. — Я не знала. Куртка тут ни при чем, ты не обязана из-за меня задерживать весь заказ.

— Работу-то я не задержала, — ответила Тамара и повернула машинку боком. — Держи, если не спешишь. Здесь можно прижать ногтем.

Нина придержала шайбу. На это ушло меньше минуты. Тамара нажала на рычажок и впервые за утро улыбнулась: ткань пошла под лапку. Они выпили горячий чай стоя. Когда Нина ушла, Тамара уже надела отремонтированную куртку на манекен, и с улицы казалось, что кто-то в этой куртке просто не торопится входить.

* * *

Дома Нина вынула из ящика свои пуговицы. Вернула круглую жестянку на прежнее место и толкнула ящик. Он застрял на полпути. Приоткрылся второй, где под бумагой лежали выкройки Кирилловой зимней куртки. Нина вспомнила, как он в первый год взялся покупать ей длинный рабочий стол. Привез не тот, который она показала, а круглую столешницу со светлой кромкой. Она ему тогда даже обрадовалась. В воскресенье они сидели напротив друг друга, резали на ней хлеб и спорили, можно ли везти домой кусок мебели больше лифта. Круглый стол вошел на кухню и там остался. Рабочий она потом нашла сама.

Нина задвинула оба ящика и посмотрела на комнату, которую Алла видела на снимке с убранным столом. Если из нее убрать все рабочее, останется стул и окно с видом на верхушки двух гаражей. Ей никогда не нравились эти гаражи. Она любила не глядеть на улицу, а по утрам держать штору открытой, чтоб свет падал сбоку. Она попробовала подвести стул прямо к окну и сразу не смогла решить, хочется ли ей здесь сесть или просто наконец можно.

Квартира была Кирилловой еще до свадьбы. После весеннего разъезда он предложил Нине остаться здесь, пока она не найдет другое место. О продаже он с ней не говорил. Нина до вчерашнего вечера думала, что у них обоих еще есть время на этот разговор.

Телефон завибрировал на подоконнике. Номер был незнакомый.

— Это Алла. Кирилл дал ваш номер. Сказал, что вы можете принять вещи, раз мы не собираемся ночевать. На всякий случай спрашиваю у вас, прежде чем ему отвечать.

Нина поставила стул обратно не с первого толчка. Ножка зацепилась за провод от лампы.

— Не могу. Я такого не говорила. А где вы сейчас?

В трубке стало слышно, как на пол упало что-то тяжелое.

— В комнате при столовой. Не пугайтесь, я не звоню вам жаловаться. Я вчера сама нашла. Нам дали две ночи, одна уже прошла. Теперь надо решать, где будут вещи. Он утром сказал водителю, что вы к обеду освободите прихожую.

— Не освобожу.

— Я так и сказала. Водителю сначала до обеда ждать было удобнее. Теперь ему удобнее до двух, а у меня в два смена.

Она попросила Нину подождать. В трубке зашуршало, потом Алла сказала уже кому-то рядом:

— Нет, машину в наш двор не зовите. Я договорилась только про комнату. За вещи я вам ничего не обещала.

Когда телефон снова оказался у нее под ухом, Нина услышала, как Алла тяжело выдохнула. Нина могла бы предложить поставить сумки у себя до вечера, прикинуть, сколько войдет в прихожую. Вчера с площадки уехали две клетчатые сумки и коробка. Остального она не видела вообще.

— Если до двух не решу, водитель отвезет все на площадку, где фургон останется до вечера, — сказала Алла. — Я уже ему сказала, что нормального адреса не обещаю. И начальнице сказала, что приду. Ночь у нас есть, сейчас мне важнее не потерять работу.

Нина подумала про семь курток. Хотелось сказать, что ей тоже есть что терять. Но Алле сейчас нужен был только ответ про прихожую. Она его уже получила.

— Если Кирилл снова скажет, что вы с ним договорились? — спросила Алла.

— Пусть пришлет мне прямо ту фразу, которую собирается вам повторить. Я должна увидеть, на что будто бы согласилась.

— Вам он ее не пришлет, — ответила Алла. — С утра

умеет только говорить кому что повезти.

Она поблагодарила за ответ так, как благодарят человека, который проверил, свободна ли розетка. Было еще что-то, что ей хотелось сказать. Нина услышала паузу, не стала ее заполнять. Потом раздались короткие гудки.

Замок снаружи не повернулся. Никто не звонил в дверь. Нина пошла в кухню, открыла холодильник и достала масло. За ним стоял маленький прозрачный пакет с запасными пуговицами от зимней куртки Кирилла. Она держала их тут шутки ради после того, как он трижды успел выкинуть точно такие из ящика. Кирилл говорил, что ничего из холодильника не выбрасывает, пока не понюхает. Пуговицы Нина вынула, положила у сумки на стуле и написала Кириллу, чтобы вернул ее запасной ключ. Про замок, водителя и комнату при столовой она ему не написала.

Она отрезала хлеб. Съела первый кусок на кухне, а второй отнесла к открытому окну и стоя посмотрела на гаражи.

Глава 3. Ключ на кольце

Кирилл ответил через двадцать минут: «У меня, как всегда, при себе. Ты дверь откроешь, если я вечером заеду?»

Нина достала большую дорожную сумку. На дне лежала перчатка без пары. Она собиралась выкинуть ее еще весной, но Кирилл тогда сказал, что вторую видел у Клавы. Может, и вправду видел. Перчатку Нина положила поверх его зимних вещей. Докладывать носки не стала: он сам знает, где сейчас берет чистые.

Она написала, что вынесет сумку к навесу у конечной остановки. Туда, где вечером кончают маршрут маленькие автобусы и можно постоять, не прижимаясь к дверям ни одного дома. Кирилл ответил, что ему удобно в половине седьмого. В это время Нина обычно ужинала, а сегодня собиралась открыть аккуратно замотанную пачку ткани и решить, какие отрезы можно вернуть продавщице, не распуская тесьму. В пятницу она купила ткань на семь курток. Часть не стала резать заранее, продавщица обещала принять целые отрезы. Теперь пришлось бы перенести это на утро и купить что-нибудь на ужин по дороге.

Она едва не написала «ты мне хоть когда-нибудь предложишь время, удобное мне», хотя сама выбрала место, а про время он спросил. Вместо этого ответила: «Подойдет. До без двадцати семь, потом я ухожу. Возьми оба комплекта».

Днем Нина вскрыла одну из пачек с тканью. На верхней полосе в углу стояли карандашные цифры: длина спинки у первой куртки, ее собственная отметка. Нина села и расправила полосу, хотя теперь уже знала, что вернуть ее не получится. В итоге оставить придется две: они выкроены под ширину именно этой серии. Из одной можно сделать чехол на машинку. Из другой ничего не требовалось. Нина туго свернула ее лицом внутрь и опустила в сумку для кладовой.

Ключ от кладовой лежал у нее в другом ящике, возле ножниц. Ключ для нее сделали, когда стена у окна отсырела. Там, в ряду за мастерской по ремонту обуви, три жильца еще весной договорились пользоваться одной комнатой. Нина держала все свое на двух низких полках, Кирилл занял дальний угол инструментами и двумя ящиками с посудой. Еще на прошлой неделе, когда он решил забрать ящики, Нина попросила оставить ее полки как есть хотя бы до конца месяца. Ей важно было не только хранение: из комнаты можно утром донести ткань к автобусу, не поднимаясь обратно на этаж. Кирилл тогда стоял над двумя ящиками, прикидывая вес.

— Да оставь, — сказал он. — У тебя свое, у меня свое.

Она надела ключ на маленькое отдельное кольцо. Думала, вечером забежит оставить рулон, но потом представила, как тащит туда сначала его полную сумку, потом свою, потом ищет Кирилла возле автобусов. Рулон остался дома. Дорожную сумку стянула так туго, что перчатка попала под молнию. Нина осторожно вытянула палец и застегнула сумку до

конца.

* * *

В половине седьмого у конечной пахло горячим железом и хлебом из киоска. Водители переговаривались через открытые окна, с нескольких сторон летело короткое «сейчас». Нина поставила сумку на свободную лавку. Она вымыла ручки перед выходом и теперь придерживала их одной рукой, чтобы не шоркали по сиденью. Кирилл пришел через три минуты. Не из автобуса, а с дорожки вдоль забора. На нем был старый синий свитер, который Нина когда-то стирала у тетки в тазу. От воды свитер стянулся у горла. Кирилл каждый раз, продев голову, оставлял один глаз закрытым. В этот вечер он пару раз подцепил ворот пальцем, видимо, ворот и теперь давил.

— Сумка тяжелая? — спросил он.

— Зимнее и ботинки. Сам проверь.

Он сел на край лавки, вынул ладонь из кармана. Ключ висел на прежнем кольце, вместе с плоской открывалкой, которую он носил с тех пор, как у них сломался штопор. Кирилл стал снимать ключ, ноготь у него побелел. Раньше Нина подала бы что-нибудь тонкое. На этот раз он сам нашел монетку, разжал ею кольцо и вытряхнул ключ ей на ладонь.

— А старый комплект? — спросила Нина.

Кирилл вытер руки о брюки.

— Старый ведь один раз уже искали. Ты тогда сама была уверена, что я его сунул к инструментам.

Она помнила. Сначала думала, что промокла бумажка с адресом на запасном чехле, потом перестала помнить, кто снял чехол. Поиск тогда закончился тем, что она временно отдала ему этот ключ.

— Сейчас ты знаешь, где старый?

— Нин, я пришел вот, отдал.

— За этот спасибо.

Она убрала ключ. Можно было задать еще пять вопросов. Но ладонь у Кирилла была пуста. Нина подвинула сумку между ними.

— Я тебя за остальным сегодня не позову. Если что-то нужно, напиши что, я соберу. Другой раз сам предложи место, только не у входа в мой дом.

— Наш, — сказал Кирилл. Потом поднял глаза на табло над остановкой: там только что поменялась цифра. — Ладно. Я понял, что ты имеешь в виду.

Ей хотелось сказать, что он опять понял не то, что она имеет в виду. Но он уже приподнял сумку и заметил торчащий край перчатки.

— Вторая у меня. Она в зимней куртке. Я ведь вчера и за ней пришел.

Он вытащил перчатку и заставил себя не смотреть на Нину. Она помнила пальцы, которые он зимой грел у нее под мышкой и смеялся, что больше никаких перчаток ему не надо. Вчера он принес на кухню четыре чистые чашки. Помнить то и другое одновременно оказалось гораздо труднее,

чем выбрать любимую его рубашку и выбросить.

— Ты Алле за вчерашнюю машину заплатил? — спросила она.

— Водителю напрямую. Целиком. Он сказал, что можно часть позже, но мне самому так гадко. Отдал все.

Кирилл сел обратно. Сумка уже стояла у его ног. Он проехал бы еще одну остановку и дошел бы с нею не дальше двух домов. Нина однажды подвезла туда табурет. Разуваться не стала: сказала, внизу ждет водитель. Теперь он посмотрел на сумку и сказал:

— Мне эту зиму некуда поставить ботинки. Она вся вот тут.

Нина не спросила, кто еще у него заставил прихожую. Вынула из кармана прозрачный пакет и протянула ему.

— Пуговицы от куртки.

Не хотелось добавлять «пришей сам». Это было его дело; можно и не пришивать. Кирилл взял пакет, подержал на свету от навеса, будто в нем мелочь для автомата. Снова раскрыл сумку и положил пакет рядом с перчаткой, чтобы не затерялся. После этого на табло появилась нужная ему цифра. Он встал. Нина не стала подниматься вместе с ним.

* * *

До назначенного срока оставалось две минуты. Нина пересела на высохший край лавки, чуть дальше от света, и увидела, что ей звонит Алла. На этот раз она узнала номер. Рядом с ним не было имени, а внизу телефона появилось пред-

ложение сохранить контакт. Нина сначала ответила.

— У меня пять минут у будки, — сказала Алла. — Вечером хочу вызвать машину поменьше. Кирилл еще сказал про комнату возле мастерской, и в ней дверь сбоку. Я не хочу тащить вещи на чужое место второй раз. Скажите, вы действительно до среды собираетесь его освобождать?

Нина посмотрела на отдельное кольцо с ключом. Не помнила, чтобы вообще говорила с Кириллом о среде. Водитель уже поднялся на переднюю ступеньку, и Кирилла не было видно за темным стеклом. Она могла постучать, пока двери открыты. Можно продолжить разговор через открытую форточку и услышать еще одно «ты ведь все равно не пользуешься». Тратиться на билет, чтобы догнать его на следующей остановке, точно не хотелось.

— Не собираюсь, — сказала она. — Там мои коробки и две полки, мы договорились, что они остаются на месте. Вас это как касается?

На том конце Алла заговорила уже быстрее.

— Мне пришло, что я могу сегодня туда отдать вещи до среды и они никому не помешают. Пока никто не поехал. Хорошо, что набрала.

— А откуда вы знаете про боковую дверь?

Алла помолчала.

— Он прислал фотографию. Я в телефоне сейчас плохо вижу, уже темно. Если там не та дверь, пусть лучше вы скажете, где встретиться. Вечером я сама туда приду, только без

машины пока.

Створка автобусной двери сдвинулась рывком. Кирилл напоследок показал руку, то ли помахал, то ли придерживал штору. Нина не стала гадать. Назвала Алле время после окончания ее смены и предложила встретиться у лавки перед кладовой, чтобы обе видели, о каком входе идет речь. В одиночку там стоять ночью не хотелось, поэтому Алла предложила на полчаса раньше. Нина согласилась. Потом сохранила в телефоне «Алла», купила у киоска самую маленькую буханку и пошла домой за рулоном.

Глава 4. Чужая полка

Алла стояла не у лавки, а в темном промежутке между дверью и витриной мастерской. Над ней капли тихо стучали по козырьку. Она переступала с ноги на ногу, снимая с одного каблука мокрый лист.

— Мишу не привели, — сказала Нина.

И сразу услышала, как это прозвучало. Будто она сегодня пустила бы его.

— Он ужинает там, где я работаю. Ему разрешили дождаться меня за дальним столом. У меня сорок минут. Вы за рулоном?

— Это у меня лишний. Я его сюда уберу.

Нина перекинула рулон под другую руку и отперла дверь. Раньше она всегда нащупывала выключатель с закрытыми глазами. На этот раз ударилась костяшками о картон. Свет загорелся, и стало видно, что в проходе стоят четыре коробки, одна на другой. На верхней красовалась белая полоска липкой бумаги. На ней крупно было написано «СНАЧАЛА». Нина узнала собственную коробку по двойному загибу: в ней лежали мотки ленты, которые она складывала по длине, чтобы не покупать каждый раз новую.

— Это ваши? — спросила Алла.

Нина прислонила рулон к стене и взялась за верхнюю коробку. Стопка подалась на нее, Алла придержала нижнюю

обеими руками. Вместе они сняли верхнюю и поставили на край пустой полки. Алла выпрямилась, встряхнула запястьями и посмотрела на коробки, загородившие проход.

— Хорошо, что я тогда сказала, что ни одну свою до среды не трону.

Нина оставила руки на коробке. Картон зацепился за заусенец на том пальце, которым она утром прижимала шайбу Тамары.

— Вы кому сказали?

— Кириллу. Он предупредил: вы просите до среды тут не ходить, потому что будете забирать свое. Я сказала, что согласна. Мне до среды все равно некуда. Я бы даже здоровую сумку сверху не положила, если бы вы попросили. Сама терпеть не могу, когда сперва говорят «только поставлю», а потом надо стоять при них, пока они ищут зарядку.

Нина обогнула стопку. В дальнем углу как стояли два ящика с посудой и Кириллов ящик с инструментами, так и стояли. Она потрогала бечевку на ближнем. Сухая, стянута крепко. На своем месте.

— Я его просила наоборот. До конца месяца мое не двигать. Он сказал, что заберет свои два ящика. Вот эти. Мне и в голову не приходило просить вас не появляться до среды. Я сегодня утром даже не знала, что он сюда решил что-то привозить.

Алла посмотрела на дальний угол. Потянула за молнию на сумке, выпустила бегунок и тут же снова за него взялась.

— Он мне фотографию прислал с прохода. Сказал, что освободит ваши полки к вечеру, если вы задержитесь на работе. Вы же вчера про работу ни слова не сказали.

— Вчера для этого ноги надо было с порога убрать.

Алла выпрямилась. Нина услышала собственный голос слишком поздно. Она могла сказать, что имела в виду не Мишу, не ее, только плеск на коврике и Кирилла, уже взявшего ручку сумки. Алла застегнула сумку раньше, чем Нина придумала фразу.

— Ноги мы убрали. Вчера восемь вечера, сегодня два часа дня, теперь, значит, еще и до среды. А у вас хоть вещи на сухом стояли.

Нина хотела возразить, что шерсть вполне можно испортить и в сухом месте, если придавить коробку тяжелой. Вместо этого открыла ту, что стояла теперь у нее под рукой. Мотки остались на своих местах. Только размоталась тесьма, ее конец почти доставал до пола. Нина нашла на полке старую прищепку и прихватила ею тесьму.

— Стояли, — сказала она. — И сегодня будут стоять здесь. Только не у двери.

Алла повернулась боком, давая пройти. Нина подняла вторую коробку. В ней лежали плоские выкройки, кожаные обрезки и завернутая в газету чугунная колодка. Тот, кто передвигал ее, взял снизу и продавил картон по шву. Нина прижала локоть к жесткому углу. Алла шагнула вперед, но руки не протянула.

— Подхватить?

— Не надо, сама дотяну. Только скажите, если с краю свисает.

— Слева. На два пальца.

Нина передвинула коробку глубже и по одной вернула на полку две оставшиеся. Через несколько минут обе низкие полки были заняты, как раньше. Нина оставила свой рулон вдоль стены. Бумагу «СНАЧАЛА» сняла с крышки, скомкала и поначалу сунула в передний карман, будто с этим обрывком могла прийти и сказать Кириллу что-нибудь такое, на что он ни разу не ответит «потом». Потом нашла рядом с ведром дырявую упаковку и выкинула бумагу туда.

Алла уже стояла снаружи. Она позвонила водителю и спросила, сможет ли тот завезти ей ночью только нужное, без большой машины. Потом внимательно выслушала ответ. Глаза у нее заблестели, и она отвернулась к пустой витрине.

— Да, я помню, что только сегодня. Не гоните фургон сюда больше. Я сама разберусь, какие вещи надо забрать сегодня с площадки. Если совсем никак, дайте мне хотя бы полчаса, прежде чем запирать.

Кто-то прошел по тротуару перед мастерской, громко разговаривая сам с собой, и Нина не расслышала, на чем они сошлись. Алла закончила звонок и листнула календарь. Нина заметила на старом чехле пустой прямоугольник, будто там долго держали наклейку, а недавно сняли.

— Скажи я вам сейчас: оставьте у меня на полке часть

вещей, — начала Нина, — через три дня мы обе опять стояли бы тут. Я бы ждала, когда вы заберете вещи. А вы ждали бы, когда я открою.

Алла подняла голову.

— Я и не прошу. Мне пришлось бы потом решать, можно ли среди ваших вещей искать свое. Лучше сразу понять, что делать без этой комнаты.

Она проверила время и стала убирать телефон, но карман куртки завернулся внутрь. Нина знала, чем его можно было бы укрепить без новой подкладки, и едва не сказала вслух. У нее второй день в голове сами собой устраивались чужие дела. Пока она подбирала нитку к этому карману, Алла вывернула его, затолкала телефон и сказала:

— А мне теперь как узнать, что еще от моего имени уже придумано?

— Никак, пока вам не скажут, — ответила Нина.

Алла дернула губами.

— Хоть тут не врете.

Нина закрыла дверь. Ключ повернулся легко. Она убрала маленькое кольцо в карман и только тогда поняла, что не надо ждать Аллу до конца всех ее звонков. Можно идти домой. Можно придумать, что ты хорошая, хоть полку ей и не уступила. После одной правильно поставленной коробки это было удивительно легко.

— Я пока вам ни про какой другой адрес не скажу, — сказала Нина. — Если Кирилл уже кому-то сказал, что вы сюда

приедете, я отвечу только за то, что видела. Что вы сегодня ничего не привезли и ничего тут оставлять не будете, пусть скажете сами.

— Уже сказала, — ответила Алла. — Только ему еще нет.

Она подставила запястье под свет, чтобы посмотреть на часы, и пошла туда, где свернула к мастерской. Нина пошла в другую сторону. Не доходя до перехода, увидела в освещенной витрине на углу то, что раньше принимала за выцветший плакат: на деревянных спинках висели чехлы, каждый своего цвета. Один, с широкой белой заплатой, был накинут изнанкой наружу. По тому, как прошили заплату, Нина узнала работу Тамары. Подумала, что завтра спросит у Тамары не про семь курток. Про работу, для которой надо встать, выйти и поехать туда, где ее стол вообще никому не мешает.

Глава 5. Три белые метки

Утром Нина застала Тамару на лестнице. Та выносила из мастерской пакет с мелкими обрезками. Снизу пакет порвался, и теперь с каждой ступеньки приходилось поднимать по лоскуту. Нина поймала один, который еще летел, и узнала грубую белую ткань, которой Тамара ставила заплату.

— В театре опять лопнуло? — спросила она.

Тамара ногой прижала к стене дверцу мусорного шкафа.

— У них шесть чехлов. Три принесли в мастерскую, один вчера вернула, чтобы заодно посмотрели в деле. Не лопнуло. Сказали, долго снимается. Как будто я, когда шью, вижу, что они там делают с мебелью.

Нина бросила лоскут в пакет. Она могла взять два чехла домой, где и свет понятный, и все лежит под рукой. На выезд Тамара предлагала сходить и раньше. Нина то ждала, когда привезут воду в бутылках, то обещала Кириллу открыть мастеру, не спросив, когда он сам сможет. В тот раз передала заказ женщине, которая сшила для театра богатые зеленые шторы и осталась смотреть показ из последнего ряда. Нина потом спрашивала у нее, хорошо ли видно шторы сзади. Про сам спектакль не спросила.

— Мне дадут на месте посмотреть? — сказала она. — Взять работу могу, но везти шесть вещей обратно, пока не знаю зачем, не хочу.

Тамара выкинула пакет и вытерла ладони о фартук.

— Там сегодня стол до трех. Два чехла возьмешь с собой, четыре у них. Дорогу оплатят, за примерку заплатят, если не возьмешь остальное. Я вчера еще не знала, кому сказать.

— Мне.

Слово получилось чересчур поспешным. Тамара взглянула на перекинутую через плечо сумку Нины, откуда торчала пустая коробка для инструментов. Потом пошла вверх ступенька за ступенькой. Нина за ней, держа руку у кармана: там лежал листок с количеством ткани, которую нужно было вернуть продавщице. К обеду она успеет доехать до театра, а в магазин уже не успеет. Нина переложила листок к мелочи, чтобы на обратном пути вынуть и записать другой день. Семь курток от этого не вернутся. Но вот два чужих чехла ей хотелось подержать, пока не выяснится, кто именно не может их снять.

* * *

В театре, чтобы попасть к сцене, пришлось пройти через зал по доскам. Сняли два крайних кресла и там, где под ними обычно лежали обертки, устроили дорогу от дверей к сцене. Нина постояла на одной доске, прислушалась. Скрипела не доска, а пол под нею. У нее дома такой звук издавала одна доска балкона, даже когда она наступала рядом. Здесь скрип услышат все, кто пришел смотреть. Это почему-то понравилось сразу.

На сцене женщина в носках обхватила белую спинку сту-

ла. Приподняла весь стул вместе с чехлом, поставила обратно. Чехол съехал набок, на него наступили, женщина споткнулась, но устояла.

— Я могу не торопиться, — сказала она человеку, который снизу придерживал ножки. — Можно попросить музыку еще на два такта.

— Ты там не одна, — ответил тот и поднял голову к Нине. — Вы от Тамары? Давайте сюда, у нас никто не сидит там, где положено.

Нина обошла сцену сбоку. Мужчина к этому времени перевернул стул на бок и присел над выщербиной внизу. Издали, в широкой тяжелой рубашке, он казался выше. Вблизи он оказался ее роста. Она еще не успела разглядеть лицо, когда он встал, вынес стул за круг света и сказал:

— Савва Юров. Я по дереву. Стул уже покрасили, краска новая. Чехол старый и под него мал.

— Он не мал. Вы его просто надели передом назад.

Женщина в носках перехватила белую ткань. Нина развернула чехол, совместила углы сиденья и потянула ткань вниз. Стул вошел легко, как палец в нужную перчатку. Осталась торчать одна ножка. Савва нагнулся первым, посмотрел, откуда ее видно, и подоткнул край.

— А теперь снимите, — сказал он. — Не отрывая стула от пола.

Нина сунула два пальца под край и потянула. Стул поехал за ней. Она остановила его коленом и только тогда вывер-

нула чехол. В зале успел скрипнуть пол. Женщина в носках прошла по нему до последней доски и села у края. Лицо у нее порозовело, как после быстрого бега, хотя с места она сегодня почти не двигалась.

— Мы раньше снимали вдвоем, — сказала она. — Теперь я должна одна. На том месте вторая выходит уже с чемоданом.

Савва взял с соседнего стула другой чехол. На том обрезали низ, все четыре ножки остались открыты. Он показал, как выходит: вверх одним движением, даже рукой за спинку браться не нужно.

— Вот. Такие сделать на остальные, и все.

Женщина попробовала. Сняла легко, но когда села, короткий чехол пошел складками от лопаток вниз. Она повернулась к Савве. На спинке из-под белой ткани проступила темная дуга.

— Я на него до этого сажусь, — сказала она. — Это комната, где еще никто никуда не ушел. Мне надо, чтоб получалось сесть, не оглядываясь на спинку.

Савва посмотрел в зал, откуда при свете дуга была заметнее. Нине показалось, что ему сейчас хочется перевернуть стул и объяснить, какие у него ножки. Вместо этого он положил короткий чехол на сцену.

— Я не могу оставить вам под работу все стулья. К завтрашнему вечеру их нужно снова сложить за кулисы.

— Я и не прошу все. Оставьте этот, — сказала Нина. —

Если срезать низ сразу на всех, полноразмерных больше не будет. Я могу сделать на одном открытый край сбоку. Для зала останется таким же, а ей не придется вытягивать стул на себя. Только сначала она покажет, какой рукой тянет, когда не думает о нас.

Савва покрутил стул за спинку и переставил его. Теперь свет падал на ровную сторону, где не было царапин. Нина поняла, что он проверяет, удастся ли обойтись одним стулом; сама бы вчера на его месте просто сказала, что, конечно, найдет еще один, и потом весь день несла его через город. Он поставил на пол две белые метки, одну за другой. Третью дал женщине. Та положила ее почти на край сцены.

— Отсюда я ухожу, — сказала она.

Савва прошел этот путь сам. Чехол не надел, только придерживал стул за спинку. Дважды обернулся, отыскивая третью метку. Потом вернулся.

— До завтра оставлю один. Остальные не распускайте, пока она не попробует. За дерево договорюсь я. За чехол сами назовите время.

Первым делом Нина хотела сказать, что покажет к утру. Стол сегодня был до трех, а дома она еще не решила, хватит ли ей второй лампы. Нина посчитала про себя, сколько можно вынуть ниток, прежде чем станет поздно возвращать шов. Получалось немного.

— Завтра в четыре, — сказала она. — И я хотела бы посмотреть оттуда.

Показала на последнее свободное кресло у прохода. Савва даже не глянул туда. Взял мел и поставил на задней перекладине короткую черту, чтобы никто не забрал тот самый стул.

— Смотрите. Только не садитесь на место со сломанным подлокотником. Сегодня до него я не доберусь.

Два чехла, которые привезла, Нина оставила у остальных. Со сцены взяла тот, который только что примеряли. Он был тяжелее любого из двух, которые она привезла: по низу сделали широкую подгибку, как на хорошей скатерти. Она свернула его неплотно, чтобы видеть углы, когда начнет распарывать. Савва уже нес к выходу два деревянных ящика. Увидел, что она собирается сама спускаться с грузом, придержал дверь. Ни слова не сказал про то, с какой стороны лестница удобнее. Нина спустилась по середине лестницы. В ушах еще стоял скрип пола в зале.

Глава 6. Вот эти две

По дороге из театра Нина получила сообщение от Аллы: «Зайдите ко мне в столовую, если удобно». Дальше был адрес и больше ничего. Нина прочла два раза. Она уже искала повод сказать нет, хотя Алла прямо написала: «если удобно».

Она вышла на остановку раньше. Днем в этом конце улицы пахло подогретым маслом, к вечеру оставался только запах хлебных корок. Нина прежде брала здесь обед, одну порцию себе и вторую Кириллу, чтобы не готовить дважды. На входе все еще стояла та же стойка с раздутым краем. За ней Алла в белом фартуке пыталась сложить две крышки от разных кастрюль. Одна норовила соскользнуть. Она сняла верхнюю, поставила на ребро и только тогда увидела Нину.

— Идите туда, где темнее, — сказала она. — Я сейчас.

У дальнего стола стояла та самая коробка с синей надписью. Прорези заклеили коричневой лентой. Миша сидел лицом к окну и катал красный автобус по тыльной стороне ладони. Когда Нина прошла, он поднял глаза, узнал ее и тут же снова опустил. Автобус съехал на стол и оказался совсем рядом с хлебной крошкой. Миша смахнул крошку на пол, а под полкой нашел вторую и положил туда, где первая лежала. Нина не стала садиться за его стол. Со стула у стены хорошо было видно, как с той стороны окна длинная тень наползает на буквы на стекле.

Алла сняла фартук на ходу. На ней оказалась голубая кофта, рукава чуть длиннее ладоней. Она села, завернула один, второй оставила как есть.

— Мне надо спросить, почему вы вчера сказали про ноги.

Нина приготовилась к разговору про фургон и сперва вообще не поняла, о чем она.

— У двери кладовой. Я сказала, что вы вчера про работу ни слова не сказали, а вы ответили так, будто я опять привела к вам людей.

Нина посмотрела на Аллу. Та не повернулась к Мише. Говорила негромко, для одной Нины. Не как в тот первый вечер, когда всем надо было оказаться в числе тех, с кем уже договорились.

— Мне было стыдно, что я чуть не пустила вас, хотя не собиралась. Потом стало проще сердиться на ваш вопрос. Вы же его задали не вовремя для меня.

— А мое время тут где?

Нина убрала сумку с колен. Ручка вдавилась в ладонь, и теперь на руке осталась белая черта.

— Нигде. Нехорошо сказала.

Алла потянулась за оставшейся на столе салфеткой. Нина ждала, что Алла сейчас пожмет плечами и обе смогут перейти к другому. Алла взяла салфетку и стала снимать ею жировой кружок у края стола.

— Вот это я поняла, — сказала она. — Квартиру я больше не покупаю. Кириллу уже сказала. Теперь про другое. У вас

эта кладовая одна на трех человек. Вы как ее нашли?

Нина объяснила, что ее пустила соседка по лестнице, просить еще место не у кого. Каждую полку занимают. У Аллы в рукаве застрял клочок бумаги. Она развернула его, глянула на цифры и убрала обратно.

— Пока обходимся без полок. Мы из комнаты ушли утром. Постель здесь, в шкафу у хозяйки. Сегодня выходила мимо кухни, она и говорит: можешь еще раз оставить сумки до закрытия, а ночевать нельзя. Я ей ответила: про ночь и не спрашиваю. Мне предложили диван до пятницы, мы с Мишей вдвоем там поместимся. Только сказали, чтоб я с коробками не приезжала. У женщины сын экзамен сдает. Ему тоже еще тут жить.

Нина потянулась к сумке, где у нее лежал номер мастерской у театра, и остановилась. Люди в театре не обязаны держать у себя чужой диван, даже если она уговорила их оставить один стул. Взгляд упал на пальцы Аллы. Алла незаметно потерла большой палец о край стола, и белая полоса на коже оказалась ровно в том же месте, что у Нины.

— Мы вчера успели забрать две сумки и машинки, — сказала Алла. — Остальное водитель все-таки согласился оставить у себя на площадке до сегодняшних шести. Я думала, будем поднимать сразу в две руки. Теперь хочу съездить одна и там выбрать, что вообще не стоит никуда везти. Я третий день считаю, сколько раз платить, чтоб у меня был тот же самый стол.

— Это который ваш?

— Складной, желтый. Я его покупала, когда Миша ел с двух подушек, чтобы до него достать. Сейчас все равно строю кухню вокруг этого стола, как будто он знает, сколько мне лет.

Алла вдруг захохотала. Звук вышел громкий и короткий, женщина у кассы обернулась. Алла махнула ей, что все хорошо, и до конца подвернула второй рукав. Смех уже прошел, а движение у нее осталось быстрое и легкое.

Нина могла предложить съездить вместе. У нее были свободны руки, работа до завтра, и было приятно представить, как все-таки можно однажды помочь той, кого не пустила. Вместо этого спросила:

— А сколько места занимают вещи, которые вам нужны, но на диван с ними нельзя?

— Две коробки. Если не передумаю на месте.

— Через один дом после нашей кладовой есть другая мастерская. Там женщина за занавесом сдает маленькие ячейки на неделю. Я ей в августе отдавала ткань, пока в доме сохла стена. Могу дать номер. Про свободное место не знаю.

— Номер давайте. Только ей не звоните. И ехать со мной тоже не надо, если вы это сейчас собирались предлагать.

Нина улыбнулась. До этой минуты она могла бы поклясться, что по ее лицу ничего не видно. Нашла номер и подвинула телефон. Алла переписала цифры на обороте мятого клочка. Никого из бухгалтерии не позвала, чтобы спросить,

как лучше, не сказала Мише, что повезет его жить к новой тете. Подождала, пока он прокатит автобус до конца стола, и сказала, что оставит его здесь еще на полчаса. Миша кивнул и потянул коробку к себе за починенную прорезь.

Нина ушла из столовой прежде, чем Алла набрала номер. Она дошла до угла и только там вспомнила, что вообще-то с утра не ела горячего. Возвращаться не стала. В сумке лежал белый чехол. Ей еще предстояло выметать новый край. Сейчас ей хотелось съесть что-нибудь, что можно держать одной рукой, не ставя сумку на соседний стул. Круглое окошко у автобусной остановки еще было открыто. Она встала в очередь, нашла в кармане листок с длинами отрезов и, пока ждала, записала на обороте, в какой день сама пойдет их возвращать.

Глава 7. Кто закрывает

В четверг Нина принесла чехол к четырем. Широкая подгибка цеплялась за подкладку сумки. Чтобы вынуть чехол, Нина положила сумку на бок. Нина разложила чехол по спинке стула, как дома, на широкой гладильной доске. Теперь боковой край не надо было поднимать вместе со всем низом. Достаточно потянуть на себя за шов. Со стороны зала все должно было остаться по-прежнему. Слова «должно было» Нина говорила про себя каждый раз, когда в комнате еще не было живого человека.

На лестнице послышались быстрые шаги. Показался парень в серой майке, тащил по ступеням низкую деревянную площадку для двух стульев. На полу под ней осталось два свежих следа. Нина отступила с дороги. Парень поддел площадку ногой и приподнял, чтобы не задеть последнюю ступеньку. Тут снизу подошел Савва, взялся за второй край и помог поставить ровно.

— В шесть теперь, — сказал он. — Они в другом зале не закончили. Всем разом перенес, чтоб потом по одному не собирать.

Парень спрятал ладони в карманы, посмотрел на свои ноги. На одной из них шнурок уже волочился.

— Я в пять должен уйти. Мы с сестрой договорились до семи развесить работы. Она одна рамы не донесет.

Савва тем временем присел проверить, двигается ли площадка. Подтолкнул, она не сдвинулась.

— Мы не задержимся. Нужно будет только убрать ее, а потом закрыть дверь, чтоб никто не прошел насквозь через зал. Я с обеими створками один не справлюсь.

Парень вытащил одну руку из кармана. Нина увидела, что он готов что-то показать: повернул ладонь к боковой стене, и по тому, как встали пальцы, можно было угадать, что он уже много раз там открывал и закрывал. Но Савва поднялся, взял со стола пачку одинаковых листов и спросил Нину, сможет ли она дождаться. Нина сказала, что до половины седьмого сможет. Про парня она ничего не сказала. Тот отвернулся и пошел обратно по лестнице. Шнурок по-прежнему лежал на ступеньке. На третьей ступеньке он наступил на него сам, остановился, сел и завязал оба.

* * *

До шести Нина успела отпороть одну закрепку и сделать ее ниже. Работала в двух шагах от сцены, за столом с разными ножками. Каждый раз, когда тянула нитку, стол покачивался. Парень принес тонкую дощечку и подсунул под короткую ножку. Стук прекратился.

— Отперли бы вам с той стороны, — сказала Нина, кивнув на длинный проход. — Вам зачем обратно сюда идти?

Он показал, как теперь лежит площадка. Там, где она примыкала к краю, он сделал короткий захват, чтобы ее мог убрать один человек. Но Савва рассчитывал спрятать ее че-

рез другую дверь, за которой стояли ящики с краской. По узкой лестнице вдвоем проще. Парень подал Нине ножницы, которые она не могла нашарить, и пошел к боковому свету. Нина увидела, как он взял телефон и постоял с ним в руке. Звонить не стал. Прочел сообщение и затем сел прямо на площадку, которую остался убирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.